Брат и сестра

Было это до царя Ерохи, когда земли было трохи. Было это и до царя Панька, когда земля была тонка, снег горел, а соломой сушили. Вот в том царстве жил старик со старухой. Жить- пожить, нашли они себе двух детей: сына с дочкой. Жили они не так-то бедно, не так-то богато.

Старик рыбалил, охотничал. Поймал он раз силком шакалку, она ему гутарит: «Старик, отпусти меня на ветер, я тебе клад дам».

Дивуется старик словам шакалки, взял да пустил ее. Когда шакалка стала уходить, гутарит: «Пойди, старик, в лес, до черного камня, подыми его, там клад найдешь».

Старик побег до того камня. Прибег, поднял камень, а под ним ямка, в ямке казан с золотом. Забрал он золото да домой пошел. Приходит, золото спрятал. Работать бросил. Построил большой курень, купил коней, разную скотину, стал со старухой жить хорошо. Сын растет, растет и дочь. Подросли они, дочь по хозяйству управляется, сын охотничает.

Ну, жили, жили, потом старуха померла, а после пришла смерть за стариком. Стал он помирать, призвал сына с дочкой: «Дети!» — «Что, батюшка?» — «А вот что. Ты, сынок, не женись, а ты, дочка, не выходи замуж. Живите вместе, на ваш век хватит моего богатства до вашей смерти».

Сказал старик и помер.

Похоронили дети отца, клятву дали: «Будем выполнять завет». Живут брат с сестрой год, другой и третий. Брат охотничает, сестра по хозяйству управляется. Брата Леоном звали, а сестру Машей.

Сравнялось Леону двадцать годов, а Маше восемнадцать. Леон думает: «Хорошо было отцу завет давать — мне не жениться, а сестре замуж не выходить. Мы-то у отца были, была у отца мать, а мы с сестрой доживем до старости — кому завет будем оставлять?» Думал, думал он да додумался, что отец завет дал в другом понятии. Ну, додумался, приходит до сестры и гутарит ей: «Маша!» — «Чего, братец?» — «Нам отец завет дал в другом

понятии». — «Братец, а в каком?» — «У нас, Маша, мать была?» — «Была, братец». — «А отец был?» — «Был, братец», — отвечает Маша. «Отец завет давал?» — «Давал, братец». — «А мы с тобой, Маша, кому завет давать будем?» — «Не знаю, братец». — «А я знаю. Я женюсь, а ты выйдешь замуж. Тебя я не брошу до смерти. Будем с тобою жить, как и жили». Сестра ему отвечает: «Дело твое, братец, помни только завет отца».

Прошло там сколько-то время, Леон женился, построил себе большой курень, живет с женой. Маша осталась в отцовской хате. К сестре Леон ласку имеет, увежлив с ней, любит ее. Смотрела, смотрела на такое дело жена Леона да заревновала. Вот и думает она: «Что я за жена? С сестрой муж гутарит, а со мною нет! Ее любит, а меня нет! Что я, челядка какая?!»

Ну, стала она думать, чтоб отвернуть мужа от сестры. Думала, думала да надумала. Ушел раз Леон на охоту. Зашла она на баз, убила быка. Пришла в хату, села и плачет.

Приходит Леон. «Чего ты, жена, плачешь?» — «А как мне не плакать? Сестра твоя мстит мне». — «Чего ж она тебе плохого сделала?» — спрашивает Леон. «Она со зла быка нашего убила!» — «Глупая, раз бык убит, завтра будет другой».

Видит жена Леона, что муж без внимания, тогда она задумала другое зло. Ушел Леон на охоту, она побила всех барашек. Сидит себе да плачет.

Приходит Леон: «Чего, жена, плачешь?» — «Как же не плакать? Сестра твоя прежде быка убила, а теперича всех барашек побила да сказала мне: «Если я тебя застану в хате, и тебя убью». Я теперича боюсь дома оставаться». Леон отвечает: «Не плачь. Завтра будут другие барашки. Убивать тебя она не станет, тебе померещилось. Чего тебе не хватает? Чего ты все на сестру наговоры делаешь? Допрежь тебя мы с ней хорошо жили, пришла ты в дом и такую поднимаешь склоку!»

На третий день Леон пошел на охоту рано. Жена его рвет и мечет, не знает, что бы сделать да отворотить мужа от сестры. Так ее и мутит. Места баба себе не находит. Думала, думала да коня загубила. Загубила, села и плачет.

Приходит Леон, спрашивает: «Что, жена, плачешь?» — «Твоя сестра коня загубила». Леон ей отвечает: «Другого купим».

Так ничего жена не добилась. Пуще прежнего ее мутить стало.

Живут они так-то, время идет, а тут сын у них нашелся. Как- то раз пошел Леон на охоту, а жена решила задушить дите.

Думала, думала, да и подошла к тому — наложила на дите руки. Сидит, голосит на всю станицу, волосы на себе рвет.

Приходит Леон, спрашивает жену: «Чего голосишь?» Жена стала упрекать: «Ты никогда мне не веришь! Для чего же ты меня брал? Я тебе гутарила, что сестра хочет погубить меня, а ты не верил! Гляди, она наше дите погубила! Как хочешь, я с тобой жить не стану!»

Леон ничего не сказал жене. Запряг коня. Прибег до сестры, изял ее да поехал в лес. Приехал. Отпряг коня и гутарит ей: «Ну, сестра, я все терпел, а теперича сил нету. Не могу тебе простить такого подлого дела». — «Какого дела, братец?» — «Ты у меня убила быка, барашек, коня. Я тебе ничего не гутарил. А когда ты убила моего сына, простить тебя не могу!» — «Братец, да я ничего не знаю! Не губила я твоего сына! Да у меня дум таких не было!»

Ну, как она его ни убеждала, Леон сестре не поверил, жизни ее не лишил, а кару дал. Он гутарит ей: «[Клади] правую руку на пенек! Я отрублю тебе пальцы да и иди на ветер». Заплакала Маша: «Спаси тебя Христос, братец! Неправду ты делаешь!»

Положила она правую руку на пенек. Брат саблей отрубил ей пальцы. Сел на коня да побег домой.

Осталась Маша в лесу одна. Птицы поют, солнышко светит, а у ней, несчастной, слезы речкой текут. Стоит она, не знает, куда податься. Стояла, стояла да пошла куда глаза глядят.

Она была такая красивая да справедливая!.. Вот идет она по лесу, а звери ее не трогают. Звери — они знают, чуют, какой есть человек, вот и ее почуяли. Не тронули.

Ходила, ходила Маша по лесу — сорвет травы, листочки да лечит себе руку. Шла она так-то да забрела в такое дремучее место! И рада бы вернуться, да не знает, куда идти.

Идет она по дремучему лесу, глянет на руку, подумает, что с ней брат сделал, — жить ей неохота. Погубить она себя не может, а смерть сама не приходит. Вышла она на поляну, обрадовалась, а потом запечалилась пуще

прежнего: «Вот какая моя судьба!»

Глядит и видит: перед нею большой дом. Думает Маша: «В таком доме, далеко от людей, хорошие люди не живут».

Стоит она, глядит да думает: «Пойду в дом. Хуже не будет, а будет — такая моя судьба». Приходит до дому, а дом высокой стеной окружен. У ворот львы на цепь привязаны. Идет она в ворота, а львы не трогают. Подходит до крыльца, а там собаки. Влезла в дом, собаки ее не тронули. Смотрит, а в доме никого нет, а продукты есть. Взяла Маша перевязала больную руку да стала с хозяйством управляться. Приготовила кушать, а в ворота постучали. Приехали двенадцать человек. Испужалась она, спряталась за печку.

Зашли двенадцать братьев-охотников. Смотрят: в доме чисто, на столе убрано, полы подметены. Старший брат гутарит:
«Братцы! У нас кто-то есть. Объявись! Если стар человек — отцом будешь, если нам ровесник — братом будешь».

Ну, Маша вышла. Как увидали ее братья, так все и загорелись. Поздоровкались, стали спрашивать: «Откуда, сестрица? Какое дело привело?» Маша все прогутарила. Братьям стало Машу жалко. Старший гутарит: «Раз такое дело, ты страдала, мы принимаем тебя сестрой. Клятву даем, что не бросим, не обидим тебя».

Осталась Маша у двенадцати братьев. Смотрит за ними, пищу готовит. Так они все стали жить.

Жена Леона не поверила своему мужу, что он сестру погубил. Стала она искать волшебников, колдунов, знахарей. Сколько она ни искала, все-таки нашла одну колдовщицу. Та ей погадала: «Ой, ой, деточка! Она живая! Живет она в таком-то месте. Муж твой только пальцы ей отрубил».

Жена Леона просит бабку наколдовать такое лекарство, чтоб Маша умерла.

Колдовщица наколдовала напиву. Села на веник, плеснула из скляницы, плюнула три раза и полетела. Прилетела. Сделалась дряхлой старухой, идет до ворот. Львы увидали колдовщицу, стали рыкать, бросаться. Чуют зло. Не пускают. Маша в это премя вышла на крыльцо, видит: старушка стоит. Жалко стало ту старушку. Провела она ее в дом, накормила.

Сидит колдовщица с Машей, а сама думает, что вот-вот приедут двенадцать братьев да захватят ее тут. Тогда она встала, прощается, благодарит Машу:

«Спасибо, деточка! На вот тебе пасхальный балахон. Надень и носи. Он тебе, красавица, к лицу. счастье тебе принесет».

Сказала бабка да ушла.

Маша проводила бабушку. Подошла до зеркала. Посмотрела па себя, потом на балахон. Балахон красивый, ушит жемчугом, рубинами. Маша думает: «Надену я его, братьев в нем встречу».

Подумала так-то, надела колдовкин балахон. Как надела, так и упала замертво.

Приехали братья. Львы рыкают, собаки лают. Братья не поймут, что за причина. Заходят в дом, а сестра — неживая. Стали братья бить собак, львов. Плачут братья по сестре, собаки воют, львы рыкают. Ну, плакали, плакали, а меньший брат-то додумал. Вот он и гутарит: «Братцы, сымем с нее балахон, он чужой. У нашей сестры не было такого. Это ктой-то дал ей. Похороним ее в нашей одеже».

Братья согласились. Сняли с нее балахон — Маша проснулась! Обрадовались братья, львы играют, собаки от радости бегают. Стали братья Машу спрашивать: «Кто был у тебя без нас?» Маша все по порядку прогутарила. Старший брат наказ дал: «Не пускай никого без нас!»

Прошло сколько-то время, жена Леона пришла до колдовки: «Погадай мне, бабушка!» Развернула колдовшипа черную книгу, поглядела и гутарит: «Живая!» — «Бабушка, бери с меня что хочешь, только умори ее!»

Колдовщица согласилась. Наколдовала на платок, взяла его, села на веник, плеснула из скляницы, плюнула три раза и полетела. Прилетела. Претворилась в старушку, пошла до ворот. Львы стали рыкать на нее. Маша вышла на крыльцо. Видит старушку. Привела ее в хату, усадила, накормила. Старуха чует, что скоро братья приедут, оставила Маше платок колдовский да ушла.

Взяла Маша платок, а он такой красивый, птицы разные на нем написаны. Полюбовалась да повязала его. Только повязала — упала замертво.

Возвернулись братья, а львы кидаются, рыкают, собаки бросаются до братьев. «Что такое?» Заходят в дом и видят: Маша лежит перед зеркалом. Подошли они до нее, смотрят, а на голове у нее платок. «Не ее, чужой! — гутарят братья. — Такого платка у Маши не было! Мы ей не дарили!..»

Сняли платок — Маша ожила. Поднялась она, прогутарила братьям про старуху. Братья приказывают: «Ну, теперича все! Больше никого в дом не води, а пуще бойся старуху: она колдовщица!»

А жена Леона не успокоилась. Пришла она до колдуньи: «Бабушка, погадай мне!»

Стала колдовка гадать. Взяла черную книгу, открыла, а в книге написано: «Маша живая». Жена Леона стала колдовку молить: «Убей ее, бабушка! Ничего для такого дела не пожалею!»

Старуха согласилась. Поколдовала она на яблоко. Села на веник и полетела в лес. Прилетела, претворилась в старуху, подошла до ворот. Львы рыкают, бросаются на старуху пуще прежнего. Собаки лают, готовы разорвать колдовку.

Вышла Маша на крыльцо, а дальше собаки ее не пускают. Видит колдунья такое дело, что пройтить нельзя, она гутарит:
«Спасибо тебе, что сердца на меня не поимела. На тебе яблочко царское!»

Бросила старуха яблочко. Подпрыгнули львы, рванулись собаки, а яблока не поймали. Яблоко прямо Маше в руки упало.

Пришла Маша в хату, смотрит на яблоко, дивуется на него. Такое оно красивое, есть жалко. Думала, думала да откусила кусочек. Как откусила, упала замертво.

Приехали братья, смотрят, а сестра их не встречает. Львы бросаются, собаки воют. Заходят в дом, видят: сестра мертвая, а недалеко от нее надкусанное яблочко. Позвали братья собаку. она как схватила яблоко, так упала.

Горевали, горевали братья, да и горевать некуда. Сделали они гроб стеклянный, положили Машу в гроб, понесли его в лес, подвесили тот гроб на золотых цепях на высоком дубу. В горе своем поубивали они своих коней, львов, собак, вырыли под гробом могилу и себя убили.

Братья любили Машу не братской любовью. Раз она мертвая, им жизни нету.

Приняла земля мертвых братьев, а на могиле выросли цветы белые, красные, голубые. На дубах на золотых цепях висит гроб стеклянный, а в гробу, как живая, лежит Маша. Утром цветы милые, а к вечеру вырастают до самого гроба. Ночью отцветают, а утром обратно расцветают и до гроба

тянутся.

Жил в этом царстве царь, а у него был сын. Вырос он. Царь задумал его женить. Одну невесту засватал — она не по нраву; вторую засватал — она не по нраву. Отступился царь от сына. Махнул на него рукой: «Что хочет, пусть то делает! На ком хочет, на той женится!»

Царский сын любил охотничать. В каких лесах он только не охотничал! Вот раз поехал он поохотничать, разогнать досаду. Ездил, ездил да наехал на дом двенадцати братьев. Видит: ворота открыты, никого нет. Он влез в хату, а там пусто. Ему невдомек, что в его царстве было убийство.

Пошел он округ забора, видит: два дуба, цветы разной красоты растут, высоко тянутся. Глянул царский сын наверх, увидал стеклянный гроб. Залез он на дуб, видит в гробу красоты неописанной Машу. Осмотрелся он, позвал слуг. Они сняли гроб. Повез царский сын его домой. Привез, поставил гроб в свою хату. Стал он обнимать, целовать гроб.

День сидит в своей хате, другой, третий. Похудал, стал хворать. Отец стал доглядать за сыном. А сын стал закрывать свою хату.

Вот царь с женой обсудили. Царь гутарит: «Ты, мать, у него в хате погляди. Он как с охоты приехал, так все время у себя сидит и не выходит, а дверь затворяет». — «Как же я до него в хату попаду?» — «Вот как, — гутарит царь, — завтра утром я пойду во двор, споткнусь, упаду, а ты кричи: «Батюшка убился!» Он выскочит до меня, а ты в то время влезешь в хату да поглядишь, что у него в хате делается».

Так они и сделали. На другой день, утром, царь пошел на двор, споткнулся, царица стала кричать: «Батюшка убился! Батюшка убился! Батюшка убился!»

Услыхал сын. Побег до батюшки, а закрыть хату забыл. Мать влезла в хату и видит: посредь хаты стоит гроб, в гробу, как живая, лежит красавица. Побегла царица до царя.

Царь спрашивает жену, что она видала. Царица все ему поведала. «Откуда он взял тот гроб?» — «Не знаю».

Ну, обсудили царь с царицей это дело. Стали полдничать, покликали сына. Сын пришел. Царица спрашивает: «Сынок, хочешь жениться?» Он ей ответил: «Матушка, мне при отце стыдно гутарить». — «Да чего же

стыдно?! Задумал жениться, скажи. А то глядим на тебя, видим, в лице ты сменился. Хворать стал, а мы с отцом ничего не знаем. Если что, мы всех фершалов, докторов, знахарей, профессоров позовем». Сын отвечает: «Здоров я».

Тогда мать, отец стали пытать у него. Ну, как ни скрывал сын, а пришлось во всем признаться. Повел он отца-мать в свою хату. Глянул царь на Машу в гробу, растерялся. В двадцать четыре часа он собрал всех знахарей, колдунов. Ну, все знахари,
колдуны гутарят: «Отравили девку, ничего поделать мы не можем».

Позвали докторов, профессоров. Они Машу в чувство привели.

Все знахари, колдуны дивуются. Царица позвала царя, сына — все рады.

Живет Маша у царя, время идет. Прошло сколько-то время, царский сын стал Маше про свою любовь гутарить, просит ее
стать его женой. Маша дала согласие. Тогда он взял ее за руку, привел до отца, матери: «Батюшка и матушка! Дозвольте мне жениться!» — «Мы согласны! А вот согласна ли красавица Маша?» — «Я не против, только я роду простого и без пальцев». — «Ничего! — сказал царь. — Нам жена сыну надобна. Ты нам понравилась».

Царю ни пиво варить, ни вино курить. Всего у него много. Вот и и зашумел пир на весь мир. Повенчали молодых. Живут молодые да поживают. А тут война.

Видит царь, дела пошли не на шутку, он послал сына в одну строну, полковников в другую. Осталась Маша со свекром и свекровью.

А жена Леона покою себе не знает. Пошла она до колдовщицы, просит ее погадать. (Их бы всех, колдовщиц, перевешать, чтоб они не мешали хорошим людям на свете жить.) Стала она глядеть в черную книгу, а там написано: «Жива Маша. Вышла замуж за царского сына». Жена Леона молит колдовщицу: «Бабушка, умертви Машу! Я теперича боюсь ее пуще прежнего. Скажет она царю, а царь меня казнит, все жилки из меня повытянут. Что хочешь, то и бери, только умертви ее!»

Живет Маша. Родился у нее сын. Вот она пишет своему мужу грамоту. Дали грамоту солдату, чтобы он доставил царскому сыну. Повез солдат. Дорогой зашел до той колдовщицы. Напоила она солдата, а грамоту подменила. Наутро солдат пошел. Приходит он до царевича, отдал грамоту. Читает

царевич, а в грамоте написано: «У нас все хорошо, только несчастье: родился у меня кошененок». Прочитал царевич, глаза вылупил.

Вот он думает: «Ну, если бы у простых людей такое дело случилось, а то в царском роду!». Пишет он матери: «Я жив, здоров. Пришлите грамоту мне, как живет моя жена. А то я получил грамоту, а в ней непонятные слова. Я никак их не разберу».

Царь с царицей заказали портрет с внука, отписали все, что положено. Понес грамоту, портрет тот солдат. Дошел он до колдовщицы, остановился отдохнуть. А она подменила грамоту с портретом.

Получил царский сын, прочитал, а на портрете кошененок написан. Тогда он отвечает отцу матери: «Может, жена моя урод? Я ее взял не живую, а мертвую. Русская-то она русская, а кто знает, что с нею! Мой наказ вам, чтоб до моего прихода и духу ее не было!»

Колдовка чудесами занимается, а Маша страдание из-за нее большое имеет.

Получили царь с царицей такой наказ от сына, ничего не могут понять. Перечить не стали. Одели Машу, поклали в подсумок хлеба-соли, одну луковку, а в переметную суму посадили дите.

Пошла Маша на все четыре стороны. Шла она, шла, зашла в дремучий лес, видит: стоит колодец. Она себе думает: «Вот я и отдохну здесь, водицы попью. Глянула в воду, а из сумы-то переметной, ей показалось, в колодец дите упало. Кинулась она в воду руками, ищет, ловит дите, а его нет. Опомнилась, хвать за суму, а дите — в ней. Глядит на руку, а у ней пальцы отросли! Тут она обрадовалась.

Отдохнула, потом пошла. Шла, шла и пришла до того дома, где жили двенадцать братьев. Зашла, а там все не по-прежнему, ни братьев, ни львов, ни собак нет. Пошла она округ забора, видит: два дуба стоят, на них цепи золотые болтаются, а кругом дубов цветы повяли. Стала она утром и вечером поливать те цветы, они зацвели.

Живет она в доме братьев. Сын растет не по дням, а по часам. Вот раз она собралась в свою деревню. А сыну о жизни она все поведала.

Идет она, встречает брата Леона. Брат ее тоже признал. Только диву дался: «У сестры на правой руке пальцев не было, а теперича есть».

Подходит Маша до брата, спрашивает: «Где бы можно с сыном переночевать?» Брат гутарит: «Можно у меня».

Пришла она до брата в хату. Узнала невестку, а невестка на Машу глядит. В это время пришел полковник и приказ дает: «В этой хате будет царский сын ночевать!»

Царский сын с войны домой ехал. Влез он в хату, глянул, а перед ним его жена. Глянул на руку, а на ней пальцы. Он и думает: «Как бывают люди похожи! Ну, прямо жена моя!»

Брат Маши ужин собрал. Сели все за стол. Царский сын просит: «Гутарьте быль, а то до сна далеко, время девать некуда». Маша отвечает: «У меня есть сын, он быль скажет».

Царский сын согласился послушать. Стал сын Маши гутарить. Поведал он, как матери брат руку отрубил, как мать жила у двенадцати братьев, как ее отравила колдовка, как мертвую в гробу царский сын нашел, как на ней женился (а жена брата в и со время сидит от страха мрет), как она родила сына, а отец прислал грамоту, чтоб выгнали ее с сыном, как она опустила руки в колодец, у нее отросли пальцы. Закончил сын Маши гутарить.

Муж Маши встал, подошел до сына, признал, поликовался; подошел до жены, обнял, от радости заплакал. Призвал своего полковника, приказ дал: «Казнить брата моей жены, а его жену привязать к хвостам невладанных коней».

Маша просить за брата и его жену стала. Царский сын простил брата, а жену его приказал привязать к хвостам коней. Привязали ее, погнали коней, они растаскали злую женщину.

Забрал царский сын жену, сына и поехал домой. Приехал. царь на радостях встретил сына, невестку, внука колокольным звоком. Собрал пир на весь мир. И я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Набрал чару зелена вина, нес тебе сюда, хотел попотчевать. Шел-шел да о камушек споткнулся. Уронил из рук чару да разлил вино. Так, братец, и не довелось тебя угостить зеленым вином.

Я и после заходил до них. Хорошо они живут. Бывал я и в лесу, видал дом двенадцати братьев-охотников и могилу. Только цветы на могиле завяли.

(Зап. от Л. В. Тумина, 47 л., х. Ново-Некрасовский Приморско-Ахтарского р. Краснодарского края, в 1945 г.)

Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков- некрасовцев. Ростов н/Д, 1961.